

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ

**ИССЛЕДОВАНИЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ
В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
СОВРЕМЕННОСТИ**

Ежегодный сборник научных статей

Алматы 2016

Составители
К.Т. Жумагулов, Г.С. Беделова

Исследование всемирной истории в контексте актуальных проблем современности: ежегодный сборник научных статей / сост. К.Т. Жумагулов, Г.С. Беделова. – Алматы: Казак университеті, 2016. – 122 бет.

ISBN 978-601-04-2502-6

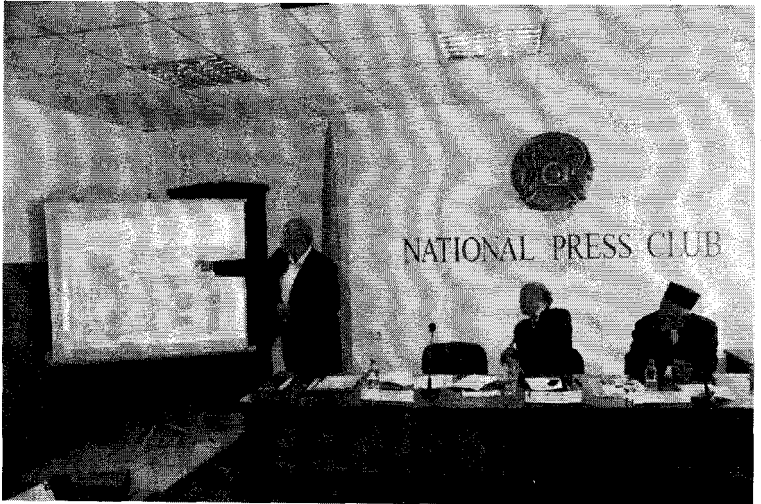
Ежегодный сборник адресован научным работникам, студентам, магистрантам, докторантам и преподавателям высших учебных заведений и всем тем, кто интересуется проблемами Всемирной истории.

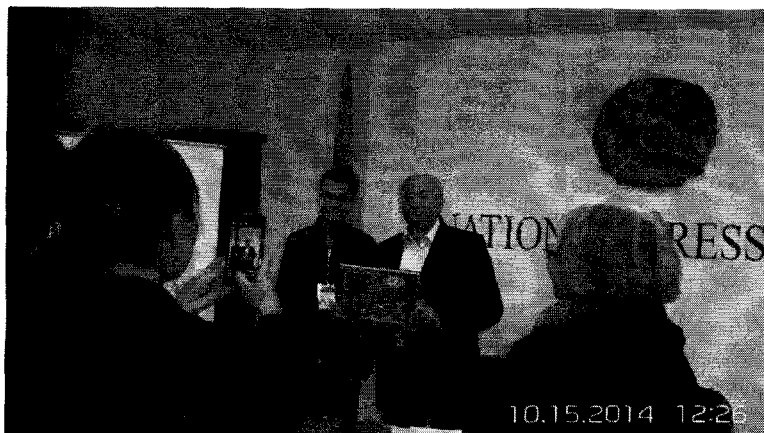
ISBN 978-601-04-2502-6

© Сост. Жумагулов К.Т., Беделова Г.С., 2016
© КазНУ им. аль-Фараби, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Жұмагулов К.Т.</i> Тюркский мир Евразии по данным латинских источников.....	4
<i>Жұмагулов К.Т.</i> Материалы пресс-конференции в Национальном пресс-центра в 2015 г. Источники Ватикана по истории тюркского мира и Казахстана	15
<i>Жұмагулов К.Т.</i> Об одной из крупнейших битв в евразийской и мировой истории	23
<i>Султангалиева Г.С.</i> Деятельность татар Волго-Уральского региона в Степи глазами казахов XVIII – первой половины XIX вв.	42
<i>Zhumagulov K.T., Sadykova R.O.</i> Attila the hun and his military campaigns	60
<i>Жұмағұлов Қ.Т.</i> Алтын Орда тарихы жөніндегі Ресей тарихнамасы (XIX-XX ғғ.) ...	72
<i>Абдимомынов Н.Т., Беделова Г.С.</i> Қазақ хандығының құрылуындағы Алтын Орданың рөлі.....	80
<i>Assylbekova Zh.M.-A., Sidiqi Khwaja Abdullah</i> The main causes of the Soviet Union attack in Afghanistan	86
<i>Жұмағұлов Қ.Т., Абдукадыров Н.М.</i> XVIII-XIX ғғ. Осман империясының Еуропа мемлекеттері мен саяси, экономикалық және дипломатиялық байланыстарының Австрия тарихнамасында зерттелуі (XX ғ. II жартысы – XX ғ. басы)	93
<i>Садықова Р.О.</i> Жапония мен Таяу Шығыс аймағы мемлекеттері арасындағы энергетикалық байланыстар	104
<i>Акупова А.Р.</i> Emperor justinian i and byzantine empire	115

Жумагулов К.,

*доктор исторических наук, профессор, директор РНИЦ
по изучению Всемирной истории*

Об одной из крупнейших битв в евразийской и мировой истории

Сражение, произошедшее в 451 г. на Каталаунских полях в Галлии (Франция), по праву, относится к числу крупнейших битв и наряду с Каннами (216 г. до н. э.) Ватерлоо (1815 г.) принадлежит к знаменитым битвам мировой истории. Это гигантское столкновение произошло между Гуннской державой с одной стороны и Римской империей с её союзниками – с другой. В связи с этим в начале сделаем некоторое отступление и дадим материал о гуннах в целом.

Гунны (хунны) с древности населяли Центральную Азию. Они относились к тюркоязычным племенам. Еще в IV в. до н.э. китайцы называли гуннов среди своих самых серьезных противников. Гуннские военные вожди добились значительных успехов в войнах с Ханьской империей.

В первые века нашей эры происходит миграция гуннских племен с территории Казахстана и других регионов Центральной Азии на запад. В середине IV в. н.э. гунны вторглись на территорию между Волгой и Доном. Завоевав аланов на

Северном Кавказе, подчинив Боспорское царство, они перешли Дон, сокрушили многоплеменную державу остготского короля Эрманариха в Юго-Восточной Европе (375 г.). Этот год послужил началом целого ряда передвижений, приведших к Великому переселению народов в Евразии и Европе.

Великое переселение народов явилось переломным этапом во всемирной истории, начало которому положил именно гуннский союз племен своим продвижением из глубин Центральной Азии на запад европейского континента. Начиная с этого времени, происходил синтез, интеграция общественных отношений, культур и традиций племен и народов, населявших евразийское пространство.

За время векового существования (IV- V вв.) в Европе в бурную эпоху Великого переселения народов Гуннская держава с центром в Паннонии объективно оказала своё воздействие на судьбы европейской истории. Помимо войн и переселений в той исторической эпохе можно увидеть пример многогранного взаимодействия Востока и Запада, синтеза, интеграции, традиций и культур.

При реконструкции фактов указанной истории большое значение имеют письменные источники. Так, в Ватикане, в книгохранилищах и фондах Ватиканской Апостольской библиотеки (Biblioteca Apostolica Vaticana), занимающей первое место в Европе по древности и богатству манускриптов (рукописей) и библиографических редкостей, мною проделана значительная научно-поисковая работа. Так, выявлены новые источниковые материалы по истории тюркского мира – Гуннской империи, Аварского и Тюркского каганатов, а также государственных и племенных образований на территории Казахстана в эпоху средних веков. Большая часть этих источников представлена исключительно на латинском языке.

Редкими источниками являются папская переписка, хроники, рассказы и записки путешественников, миссионеров и другие нарративные свидетельства, содержащие ценные сведения по истории гуннов, Тюркских каганатов, Дешт-и-Кипчака, Алтын Орды, интеграции Востока и Запада на Великом Шелковом пути.

Все эти материалы я выявил в собрании манускриптов в зале рукописей Vaticanī Latīni (Латинское собрание) [1].

Наибольшего территориального расширения и наибольшей мощи Гуннская держава достигла под предводительством Аттилы (род. ок. 395 г. ум. в 453 г.), правившего с 434 по 453 гг. Греческие и латинские источники свидетельствуют, что Аттила происходил из царского рода, который на протяжении поколений правил гуннами [2]. Аттила был крупным государственным деятелем, совершившим великие деяния, мудрым правителем, искусным дипломатом и справедливым судьёй. С полным основанием его следует считать наиболее выдающейся личностью I тысячелетия.

При Аттиле Гуннская держава состояла из 4-х частей: на северных рубежах она простиралась от царства гуннов на запад до Германии. На юге данниками Аттилы являлись обе Римские империи (Восточно-Римская и Западно-Римская). По своей территории и влиянию Империя Аттилы географически охватывала тем самым почти все 4 части света: с востока на запад и с севера на юг (древнетюркское: *tört bulun*, казахское «дүниенің төрт бұрышы»). Гуннские пределы простирались с востока на запад – от Алтая, Средней Азии и Кавказа до Дуная и Рейна. Гуннский союз в Центральной Азии способствовал сложению впоследствии казахского этноса и других тюркоязычных народов.

Время Аттилы оставило неизгладимый след в истории Евразии, который сохранился не только в исторических сочинениях, хрониках и эпических творениях. Читая и анализируя редкие исторические свидетельства на латинском, раннегерманских и скандинавских языках, мне удалось установить, что, по крайней мере, в 18-и произведениях германского героического эпоса и скандинавских саг отражены великие деяния гуннов и их правителя (в них он называется *Attila*, *Etzetel*, *Atzel*, *Atli*)[3].

В «Das Nibelungenlied» («Песнь о Нибелунгах») читаем:

«König Etzels Herrschaft war so weit erkannt,
Daß man zu allen Zeiten an seinem Hofe fand
Die allerkünsten Recken, davon man je vernommen
Bei Christen oder Heiden; die waren all mit ihm gekommen.
Bei ihm war allerwegen, so sieht man's nimmermehr
So christlicher Glaube als heidnischer Verkehr.
Wozu nach seiner Sitte sich auch ein jeder schlug,

Das schuf des Königs Milde, man gab doch allen genug.»

В переводе на русский язык это звучит так:

«Себя прославил Этцель так, что из всех краев

К его двору стекалось немало удальцов.

Был с каждым он приветлив, учтив и щедр без меры,

Будь то боец языческой иль христианской веры.

Такого не увидишь теперь уже вовек.

Любой, владыке гуннов служивший человек,

Какой бы он при этом ни соблюдал закон,

Был Этцелем за преданность сполна вознагражден».

О наследии гуннов можно судить и по археологическим находкам, которые раскопаны на территории государств евразийского континента.

Многие народы Европы рассматривали Гуннскую державу как противовес Римской империи, как спасительницу от римской экспансии. Ряд германских племен, находившихся в зависимости от Гуннской державы, — участвовали в войнах против Рима. Словом, империя гуннов занимала определенное место в истории Германии и Европы в переломный переходный период от античности к средним векам.

К середине V в. взаимоотношения между Западно-Римской империей и Гуннской державой все более ухудшались. Гигантское столкновение этих сил становилось очевидным.

Накопив и сконцентрировав силы, правитель гуннов организовал поход на Западную Европу. Обратимся к источникам. Современник той бурной эпохи Проспер Тиро, называя поход Аттилы на запад главным событием, писал: «*Attila post necem fratris auctus opibus interempī multa vicinarum sibi gentium milia cogit in bellum, quod Gothis tantum se inferre tamquam custos Romanae amicitati denuntiabat. sed cum transito Rheno saevissimos eius impetus multae Gallicanae urbes experirentur, cito et nostris et Gothis placuit, ut furori superborum hostium consociatis exercitibus repugnaretur, tantaque patricii Aetii providentia fuit, ut raptim congregatis undique bellatoribus viris adversae multitudini non inpar occurreret*». («Аттила, который после убийства своего брата стал еще сильнее, принудил тысячи соседних народов к войне, которую, как он объяснял, как друг римлян ведет только против готов. После того, как он переправился через Рейн,

многочисленные галльские города охватил страх. И решили быстро наши (римляне – К.Ж.) и готы объединенными войсками встретить дерзкого врага. Тут проявил себя очень патриций Аэций, который смог спешно собрать рассеянные повсюду силы и противопоставить врагу») [4].

К числу важнейших свидетельств той эпохи относятся архивы и материалы папской переписки, которые, к сожалению, до сих пор не стали предметом должного анализа, это касается и литературы советского периода. А между тем эти уникальные по своей сути источники позволяют реконструировать сложные перипетии того времени. Так, в письме императору Восточно-Римской империи Маркиану (450-457 гг.) от 23 апреля 451 г. папа Лев I Великий (440-461 гг.) дал ясно понять, что согласие двух христианских императоров Запада и Востока смогло бы противостоять еретическим поползновениям и нашествиям варваров («nam inter principes Christianos spiritu dei confirmante concordiam gemina per totum mundum fiducia roboratur, quia profectus caritatis et fidei utrorumque armorum potentiam insuperabilem facit, ut propitiato per unam confessionem deo simul et haeretica falsitae et barbara destruat hostilitas...») [5].

Когда же император Византии решил в мае 451 г. созвать Вселенский собор в Никее, папа просил его отложить это, поскольку епископы ряда провинций Запада из-за надвигающейся войны не могли оставить свои церкви («sacerdotes provinciarum omnium congregari praesentis temporis necessitas nulla ratione permittit, quoniam illae provinciae de quibus maxime sunt evocandi inquietate bello ab ecclesiis suis eos non patiuntur abscedere») [6].

Маркиан все же остановился на созыве собора, как мы узнаем из письма папы от 20 июля 451 г., тогда Лев I послал в качестве своего представителя епископа Пасхасина («...et Bonifatium de conpresbyteris meis ab urbe direxerim et de episcopis fratrem meum Paschasinum de Sicilia fecerim nauigare, qui vicem meam sufficienter implerent...») [7].

Почему же Атилла пошел войной не на Италию, а в Галлию? Вопрос этот заслуживает внимания. Да, взаимоотношения Атиилы с обеими Римскими империями в 450-451 гг. ухудшились. Так, после смерти в июле 450 г. императора Восточно-Римской империи Феодосия II, пришедший к власти

Маркиан начал отказываться платить дань гуннам, что было прежде. При этом восточные ромейцы обещали посланникам Атиллы, что в случае, если он будет настроен мирно, они сделают ему дары. Но, если же пойдет войной, то тем же и будет встречен.

Как писал Приск Панийский, Атила одновременно отправил посольство и в Рим императору Западно-Римской империи Валентиниану III с требованием, в частности, выдать ему в жены его сестру Гонорию с ее долей богатства. На это император ответил тем, что он этого сделать не может, поскольку Гонория обвенчана с другим...

Оба посольства, как отмечал хронист Приск, закончились безрезультатно. И Атила не знал, что делать, но обретя постепенно спокойствие, он решил пойти войной на Запад: «*Illic enim sibi rem fore non solum cum Italis, sed etiam cum Gothis et Francis; cum Italis, ut Honoriam cum ingentibus divitiis secum abduceret; cum Gothis, ut Genserichi gratiam promereretur*». (При этом он был настроен не против населения империи, а против готов и франков; против правящей верхушки италийцев, чтобы овладеть Гонорией с ее богатствами, против готов, чтобы оказать услугу королю вандалов Гейзериху) [8].

Здесь стоит нам остановиться на эпизоде, связанном с Гонорией, которая как сестра императора Валентиниана III имела свое влияние в Риме. Как передает греческий хронист VI-VII вв. Иоанн Антиохийский, ссылаясь на Приска, Гонория – сестра римского императора Валентиниана III имела связь со своим управляющим по дому, с неким Евгением. Связь эта была уличена, после чего Евгений – казнен, а Гонория была обвенчана с незнакомым придворным. Гонория, озлобленная этим и прежде всего тем, что она при дворе своего брата была приговорена к прозябанию, – послала своего евнуха (Гиацинфуса) к Атилле, прося его о помощи и предлагая ему свою руку, а также возмещение всего того, что связано с ее освобождением. По возвращению в Рим, Гиацинфус потерял голову в поисках Гонории... [9].

Нетрудно догадаться, что Валентиниан III и его полководец Аэций, настроенные против гуннов, не желали видеть Гонорию даже в качестве формальной соправительницы. Что касается Атиллы, то в борьбе с Римской империей он хотел через так

сказать «псевдоневесту» Гонорию получить возможность оказывать влияние на правящую верхушку в Риме. Через своего посланника, как писал Приск, Атиллы требовал вместе с Гонорией и половину богатств ее отца, которая по праву принадлежит ей как дочери императора. Поскольку римляне не приняли этих условий Атиллы, последний все свое войско начал готовить к войне («Etiam dimidiam imperii partem sibi Valentinianum debere, quum ad Honoriam jure paternum regnum pertineret, quo injusta fratris cupiditate private esset. sed quu Romani Occidentales in prinia sententia persisterent et Attilae mandata rejicerent, ipse toto exercitu convocato majore vi bellum paravit») [10].

В цепи надвигавшегося конфликта следует отметить и ситуацию, связанную с борьбой за трон у рипуарских франков. Последние, как известно, поселились на территории Северной Галлии. После смерти короля франков разразилась борьба между его сыновьями. Как пишет Приск, старший сын тяготел к Атилле, младший – к Аэцию.

Выше мы упомянули Гейзериха – короля вандалов. Как интерпретирует Иордан, «поняв, что помыслы Атиллы обращены на разорение мира, Гизерих, король вандалов, о котором мы упоминали немного выше, всяческими дарами толкает его на войну с везеготами, опасаясь, как бы Теодерих, король везеготов, не отомстил за оскорбление своей дочери; её отдали в замужество Гунериху, сыну Гизериха, и вначале она была довольна таким браком, но впоследствии, так как он отличался жестокостью даже со своими детьми, она была послана обратно в Галлию к отцу своему с отрезанным носом и отсеченными ушами только по подозрению в приготовлении яда для мужа); лишенная естественной красоты, несчастная представляла собой ужасное зрелище, и подобная жестокость, которая могла растрогать даже посторонних, тем сильнее вызвала к отцу о мщению» [11].

Как характеризует Иордан правителя гуннов, при всей суровости он был ловким человеком, который прежде чем пуститься в драку, действовал хитростью. Конечно, речь идет здесь о давних приемах, которые во все времена применялись, вписываясь в извечную формулу: для достижения цели все средства хороши. И действительно, Атиллы через своего посланника к императору Валентиниану передал, что он не выступает

против Римского государства, а решает споры с вестготским королем.

В Риме действовали весьма энергично. Император Валентиниан III отправил посольство к вестготскому королю. Просьба и требование бороться вместе против гуннов нашли отклик у Теодериха, который ответил посланникам: «Ваше желание, о римляне, сбылось: вы сделали Аттилу и нашим врагом! Мы двинемся на него, где бы ни вызвал он нас на бой; и хотя он и возгордился победами над различными племенами; готы тоже знают, как бороться с гордецами. Никакую войну, кроме той, которую ослабляет ее причина, не счел бы я тяжелой, особенно когда благосклонно императорское величество и ничто мрачное не страшит». Комины криками одобряют ответ вождя; радостно вторит им народ; всех охватывает боевой пыл; все жаждут врагов гуннов [12].

Борьба с гуннами объединила Римскую империю и Вестготское королевство, а также другие союзы кельтских и германских племен. Были забыты прежние противоречия и борьба, в том числе полководца Аэция и вестготов. Объединенное войско Рима, Вестготского королевства и других союзов племен всего Запада возглавил патриций Флавий Аэций. Последний в свое время в период борьбы за власть в Риме бежал к гуннам, получил их поддержку и, вернувшись в 433 г. с гуннским войском в Италию, снова занял высшие должности в государстве и получил командование вооруженными силами Империи. В связи с пребыванием Аэция в стране гуннов интересно отметить, что он здесь встречался с молодым Аттилой, своим будущим противником. За время своего заложничества, Аэций имел возможность близко узнать гуннов и, что было для него особенно существенно в дальнейшем, изучить их военную организацию и их способы ведения войны. Известно, что Аэций в ряде случаев пользовался гуннскими наемными отрядами и прекрасно умел командовать ими.

Что касается Аттилы, то его политическое положение к этому времени заметно ухудшалось. Восточно-Римская империя, отказываясь от ранее уплачиваемой дани, готовилась к военным действиям. Однако король гуннов с присущим ему упорством оставался непреклонным. И фронт его противников начинался, как мы видели, от Константинополя через Рим до

Вестготского и Франкского королевств, а также других политических и племенных образований Европы.

Завоевательный пыл гуннов обратился на Запад и в начале 451 г. Атила предпринял свой поход. Борясь за гегемонию в Европе, он хотел и завладеть богатыми землями королевств бургундов, вестготов и франков в Галлии. Вместе с гуннами шли подвластные и союзные им германские племена остготов, гелидов, скиров, ругиев, герулов, тюрингов, а также аланы.

Переправившись через Рейн, войско Атилы направилось к Триру и далее двумя колоннами – на северо-восток Галлии. Нависшая опасность, тем более, что в Европе хорошо помнили о первых гуннских вторжениях, – быстро объединила и их германских союзников, в том числе на территории Галлии – вестготов, бургундов, франков, саксов. Объединенное войско Западно-Римской империи и их союзников в Галлии и части Германии возглавил римский полководец Флавий Аэций, хорошо знавший гуннов [13].

Как полагал Иордан, войско Атилы насчитывало полмиллиона человек (*cuius exercitus quingentorum milium esse numero ferebatur*)[14]. Численность войска гуннов перед походом в Галлию – полмиллиона человек – конечно преувеличена латинским автором. Однако сейчас можно со всей определенностью сказать, что армия Атилы могла составлять самое большее от 100 000 до 120 000 чел.: силы его противников насчитывали примерно столько же.

На стороне Атилы было до 25 больших и малых племен. Каждое из них могло выставить до 10 000 воинов или 1 тумен [15]. На случай войны около 1/3 всадников обычно оставалась для защиты родных мест (тыла). Атила мог собрать в поход максимум (25 x 6 600 всадников), то есть самое большее до 165 000 воинов. Авангардные и арьергардные части при этом состояли из союзных родов и племен, которые принимали участие в сражениях постольку-поскольку. Далее мы должны учитывать и то, что гуннский правитель одновременно планировал военные действия и на Востоке, в частности, на Кавказе, где он лично не участвовал. Все это, в конечном счете, дает нам основание полагать о приведенной нами численности гуннского войска (от 100 тыс. до 120 тыс. чел.), которая реально

может соответствовать периоду поздней античности и начала средних веков.

Но вернемся к событиям галльского похода Аттилы. 9 апреля 451 г. после двухдневной осады пал Мец (Divodorum-Mettis, Metz). В огне пылали затем Тонгерен, Шпейер, Реймс. Сильная паника охватила и Париж. Жители древней Лютетии хотели уже бежать. Легенда приписывает спасение города необычайно храброму поведению некоей женщины – св. Геновеи (Женевьевы) [Heilige Genovea], которая впоследствии стала известна как покровительница Парижа. Из «Жития св. Геновеи» мы узнаем: «В то время король гуннов Аттила начал опустошать провинции Галлии. Поскольку жители Парижа опасались его жестокостей и гнева, решили они отправить всех женщин и детей и некоторое имущество в надежные места. Тут явилась св. Геновея с тем, чтобы во что бы то ни стало уговорить женщин не покидать в час опасности город, в котором они родились и выросли, более того, готовить себя и своих мужчин к обороне. Они должны просить бога о помощи и спасении. Матери послушали святую и решили оставаться в городе и полагаться на божью милость. Так, святая уговорила мужчин не уходить из Парижа и оставаться, прося бога о помощи, который может спасти их от нависшей опасности...»[16].

Однако Аттила не дошел до Парижа, с левого фланга гунны подступили к Орлеану (Aureliani, Orleans), начав его штурм. Следует заметить, что Орлеан был хорошо защищен каменными мостами через Луару и высокими крепостными башнями. Как мог выстоять Орлеан натиску столь грозного врага? Источники не дают ясного ответа на этот счет. Как пишет Григорий Турский: «Уйдя из города Меца, вождь гуннов Аттила опустошил еще много галльских городов. Осадил он и Орлеан, пытаясь захватить его с помощью мощных таранов. А в это время в упомянутом городе епископом был блаженнейший Анниан, человек замечательного ума и похвальной святости, о чудесных деяниях которого мы достоверно знаем. Когда осажденные громко вопрошали своего епископа, что им делать, тот, уповая на бога, уговаривал всех пасть ниц и с молитвой и слезами молить господу о помощи, которую он всегда оказывает в нужде... И они с плачем и громкими стенаниями молили господу

о милосердии. Окончив молитву, они по совету старца посмотрели со стены в третий раз и увидели, что вдали поднимается от земли как бы небольшое облако. Когда они сообщили об этом епископу, он им сказал: «Это помощь господня». Между тем стены уже дрожали под ударами таранов и вот-вот готовы были рухнуть. Но тут к городу подошли со своими войсками Аэций и король готов Теодор...» [17].

И действительно, к осажденным Орлеана вовремя подоспело Римское войско и силы Вестотского королевства. Это, конечно, осложнило захват города. Не исключено, что Атиллы, усомнившись в быстром его захвате, снял осаду. Может быть, Атиллы обратился к Оракулу, поскольку гуннские прорицатели советовали ему не продолжать осаду. Возможно, и Атиллы искал для сражения более удобное открытое место...

И местом решающего (генерального) сражения стали Каталаунские поля (лат. *Campi Catalaunici*) в Шампани. Эта местность берет свое начало по названию кельтского племени *Catuvellauner*, равнина между Труа (Troyes) и совр. Шалон-сюр-Марн (*Chalons-sur-Marne*) во Франции.

Битва началась в 20-х числах июня 451г. Как писал Иордан, перед сражением Атиллы приказал через гадалелей спросить о будущем: «*qui more solito nunc solito nunc pecorum fibras, nunc quasdam venas in abrasis ossibus intuentes Hunnis infausta denuntiant; hoc tamen quantum praedixere solaccii, quod summus hostium ductor de parte adversa occumberet relictamque victoriam sua morte triumphum foedaret. cumque Attila necet Aetii, quod eius motibus obviabat, vel cum sua perditione duceret expetendam, tali praesagio sollicitus, ut erat consiliorum in rebus bellicis exquisitor, circa nonam diei horam proelium sub trepidatione committit, ut si secus cederet, pox imminens subveniret*». («Они, вглядываясь по своему обычаю то во внутренности животных, то в какие-то жилки на обскобленных костях, объявляют, что гуннам грозит беда.

Небольшим утешением в этом предсказании было лишь то, что верховный вождь противной стороны должен был пасть и смертью своей омрачить торжество покинутой им победы. Атиллы, обеспокоенный подобным предсказанием, считал, что следует хотя бы ценой собственной гибели стремиться убить Аэция, который как раз стоял на пути его – Атиллы – движения.

Будучи замечательно изобретательным в военных делах, он начинает битву около девятого часа дня, причем с трепетом, рассчитывая, что, если дело его обернется плохо, наступающая ночь выручит его»)[18].

Итак, стороны сошлись на Каталаунских полях. Как писал Иордан: «Место это было отлогое; оно как бы вспучивалось, выросло вершиной холма. Как то, так и другое войско стремилось завладеть им, потому что удобство местности доставляет немалую выгоду; таким образом, правую сторону его занимали гунны со всеми своими [союзниками], левую же – римляне и везеготы со своими вспомогательными отрядами. И они вступают в бой на самой горе за оставшуюся вершину».

Теодерих, король вестготов командовал левым крылом; Аэций, хорошо знавший гуннов (о котором мы уже говорили) – правым. В середине поставили ненадежного короля аланов Сангибана, которому мало доверяли, он был окружен толпой верных людей. Ибо легко принимается необходимость сражаться, когда бегству поставлено препятствие (*conlocantes in medio Sanguibanum, quem superius rettulimus praefuisse Alanis, providentes cautioni militari, ut eum, de cuius animo minus praesumebant, fidelium turba concluderent*)[19].

На противоположной стороне в центре занял позиции сам Атила с гуннами, составлявшими ядро всего войска, союзники и вассалы же были поставлены на флангах.

С переменным успехом шла борьба за господствующую высоту. Аэцию, хорошо знавшему тактику боя соперников, казалось, удалось отбить новую атаку наступающих гуннов. Такого с Атилой не бывало, и он решил вовремя укрепить свое войско речами: «После побед над таким множеством племен, после того как весь мир – если вы устоите! – покорен, я считаю бесполезным побуждать вас словами как не смыслящих, в чем дело. Пусть ищет этого либо новый вождь, либо неопытное войско. Пусть воспрянет дух ваш, пусть вскипит свойственная вам ярость! Теперь, гунны, употребите ваше разумение, примените ваше оружие! Ранен ли кто – пусть добывается смерти противника, невредим ли – пусть насытится кровью врагов. Идущих к победе не достигают никакие стрелы, а идущих к смерти рок повергает и во время мира. Наконец, к чему фортуна утвердила гуннов победителями стольких племен, если не для

того, чтобы приготовить их к ликованию после этого боя? Кто же, наконец, открыл предкам нашим путь к Мэотидам, столько веков пребывавший замкнутым и сокровенным? Кто же заставил тогда перед безоружными отступить вооруженных? Лица гуннов не могло вынести все собравшееся множество. Я не сомневаюсь в исходе – вот поле, которое сулили нам все наши удачи! И я первый пушу стрелу во врага. Кто может пребывать в покое, если Аттила сражается, тот уже похоронен!»[20].

И зажженные этими словами все устремились в бой. Аттила сам руководил битвой. В одно мгновение все смешалось. Боевые кличи, блеск сабель и пыль, которая поднялась за ринувшимися всадниками. Сходятся в рукопашную: битва – лютая, переменная, зверская, упорная. Как продолжает далее Иордан, «о подобном бое никогда до сих пор не рассказывала никакая древность, хотя она и повествует о таких деяниях, величественнее каковых нет ничего, что можно было бы наблюдать в жизни, если только не быть самому свидетелем этого самого фьда. Если верить старикам, то ручей на упомянутом поле, протекавший в низких берегах, сильно разлился от крови и ран убитых; увеличенный не ливнями, как бывало обычно, но взволнованный от необыкновенной жидкости, он от переполнения кровью превратился в целый поток. Те же, которых нанесенная им рана жала туда в жгучей жажде, тянули струи, смешанные с кровью. Застигнутые несчастным жребием, они плотали, когда пили кровь, которую сами они – раненые – и пролили» [21].

Король вестготов Теодерих, объезжая войска для их ободрения, был сшиблен с коня дротиком; тело его исчезло среди груды трупов и только на следующий день нашли его. Очевидно, это и было тем, о чем вначале сообщили Аттиле предатели в их предсказаниях, хотя он и помышлял это об Аэцие.

Торисмунд, сын короля Теодериха, который вместе с Аэцием раньше захватили высоту, думая, что подошел к своим войскам, наткнулся ночью на гуннов. Он храбро отбивался, но, раненный в голову, был сброшен с коня, когда свои подобрала его. он отказался от дальнейшего намерения сражаться.

До самой ночи продолжалась битва, как собственно и полагал сам Аттила. С наступлением темноты и римско-вестготское войско вернулось в свой лагерь, не отважившись

штурмовать лагерь Атилы из-за боязни града гуннских стрел. Аэций, оторванный от своих в ночной сумятице, блуждая между врагами, не случилось ли чего плохого с готами, пришел, наконец, к союзным лагерям и провел остаток ночи под охраной щитов (*relicuum noctis scutorum defensione transegit*)[22].

Вестготы после смерти своего короля жаждали мести. Однако, Аэцию, нежелавшему усиления вестготов, удалось остановить молодого Торисмунда, ссылаясь на то, что гунны при отходе могут искать его королевство.

Атилла же, заметив уход готов, долго еще оставался в лагере, предполагая со стороны противника хитрость. «Но когда, вслед за отсутствием врагов, наступает длительная тишина, ум настраивается на мысли о победе, радость оживляется, и вот дух могучего короля вновь обращается к прежней вере в судьбу» (*sed ubi hostium absentia sunt longa silentia consecuta, erigitur mens ad victoriam, gaudia praesumuntur atque potentis regis animus in antiquafata revertitur*)[23].

Однако Атилла решил вернуться в Паннонию – центр Гуннской державы. В схватке с объединенным войском Европы он скорее решил провести маневр, о чем можно судить по событиям, следовавшим сразу же после Каталаунской битвы.

И войско медленно поворачивалось к Рейну. На пути гуннов был город Труа (*Tricassina*, Troyes), о котором источники сохранили сведения. Из «*Vita Lupi episcopi Trecensis*» («Житий Лупа, епископа из Труа»), мы узнаем, что город был спасен благодаря своему епископу: «*Inter haec non longa post tempora, imminentibus Hunis, quorum per Gallias ubique diffusus premebat exersitus: quippe cum diversa urbium loca simulatae pacis arte temptarent, alia excido eruenda urgeret, Tricassinam urbem patentibus campis expositam nec armis munitam nec minis cum infensaret sui agminis densitate, sollicitus piaie mentis antistes, recurrrens ad nota praesidia, sola ad Deum intercessione et prece deposita, superne opis defendit auxilio, in cuius absolute totius discriminis compressit incendium. Id ille feralis Attila et immitis fidem eius altiori sensu sushiciens pro incolumitatis suae statu vel exercitus sui salute, secum indicit iturum, Reni etiam fluentia visurum, ibique dimittendum pariter pollicetur. cui de loco confestim ut revertatur offeertur, reditus non negatur, iter ostenditur; nec minus pro se orandum supplicavit enixe, interprete Hunigasio*». («He

долго затем возвращалось войско гуннов, которое до этого, растекаясь по всей Галлии, опустошало страну. После того как многие города были подчинены хитростью и обманом, а другие – просто разрушены, вторглось вражеское войско и в Труа, город незащищенный, без крепостных стен и сооружений. Тут заботливый и благочестивый епископ Луп, пренебрегая собственным спасением, защищал город с помощью неба. Позднее жестокий и непокорный Атила приказал епископу, в котором он усмотрел высшую силу, сопровождать его до Рейна, он обещал при этом неприкосновенность духовному лицу и, может быть, хотел тем самым обезопасить обратный путь своего войска. После того как епископу было обещано свободное возвращение, – показал он Аттиле дорогу. На прощание просил Атила через переводчика Онегезия поблагодарить Лупа от его имени») [24].

Через Тюрингию и Венгрию Атила вернулся с войском в Паннонию.

Выше мы попытались реконструировать события галльского похода Аттилы, располагая дошедшими до нас письменными источниками – сочинениями римских, византийских и раннесредневековых авторов. Последние в своей общей характеристике гуннов допустили ряд преувеличений и необъективных характеристик, наделив их традиционными чертами, так называемых, варваров. Так, тот же Иордан писал: «Этот свирепый род, как сообщает историк Приск, расселившись на далеком берегу Мэотийского озера, не знал никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что он, увеличившись до размеров племени, стал тревожить покой соседних племен коварством и грабежами» (*quorum natio saeva, ut Priscus historicus refert, Meotida palude ulteriore ripa insidens, venationi tantum nec alio labore experta, nisi quod, postquam crevisset in populis, et rapinis vicinarum gentium quiete conturbans*)[25].

Испанский монах рубежа IV-V вв. Орозий указывал, что гунны были долго заключены в неприступных горах (*gens Hunnorum diu inaccessis seclisa montibus*)[26]. Это сообщение может быть понято как отзвук далеких событий, связанных с обитанием гуннов в Средней Азии.

Несомненно, что натиск гуннов был настолько бурным, что внимание хронистов IV-VI вв. не останавливалось на «академическом» интересе, откуда явилось это грозное объединение племен.

Авторы западных хроник относились к гуннам порой резко враждебно, вследствие чего историк не может на основе только их сведений реконструировать объективную картину реальности. Данные современных археологических раскопок и междисциплинарных изысканий свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития ремесел, торговли, военного искусства и других сторон общественного развития гуннского общества.

Благодаря собственно Иордану мы располагаем рассказом о грандиозном сражении на Каталаунских полях. Однако в ее трактовке им были допущены и перегибы. Напрашивается вопрос: когда это в мировой истории случалось такое, что победитель исчезал с наступлением темноты, а наутро в поле лежали только тела побежденных?

Здесь для ясности нам очень важны сведения самих очевидцев тех дней. И хотя их очень мало, но все же есть. Так, как писал Проспер Тиро о Каталаунской битве: «*in quo conflictu quamvis neutris cedentibus inaestimabiles strages commorientium facte sint, Chunos tamen eo constat victos fuisse, quod ammissa proeliandi fiducia qui superfuerant ad propria reverterunt*» (в этой битве ни одна из сторон не одержала победу. Число павших было безмерным...)[27].

Гуннская держава на Западе не могла не привлекать к себе внимания. Так, в «Идеях к философии истории человечества» И.Г.Гердер, стоявший на евроцентристских позициях, все же писал, что царь гуннов Атила подобно метеору промелькнул на небе Европы. При нем могущество гуннов достигло своего устрашающего величия... Он справедлив, очень добр к своим подданным, недоверчив к врагам, горд перед гордыми римлянами; с войском повернул на Запад, стремительно пролетел через всю Германию, перешел Рейн, разрушил половину Галлии – все трепетало перед ним, пока, наконец, западные народы не собрали войско и не выступили против него. «Атила, – продолжает немецкий просветитель, – поступил тактически мудро, стянул свои войска в Каталаунскую долину, где путь к отступлению был всегда открыт; против него

выступили римляне, готы, леты, арморики, бреоны, бургунды, саксы, аланы, франки. Он сам руководил сражением. Битва была кровопролитной, царь вестготов пал на поле брани; погибли бесчисленные воины... Аттила перешел Рейн в обратном направлении, никто не преследовал его...»[28].

В оценке рассматриваемой крупнейшей битвы ряд западных ученых нового и новейшего времени, черпая сведения у хронистов раннего средневековья, используют их некритически. А это всегда затрудняет задачу объективной оценки исторической реальности.

Ситуацию в Галлии, на наш взгляд, можно объяснить слишком большим размахом походов Аттилы и невозможностью в пределах огромной территории сдерживать под единым руководством массу племен и образований, которые социально и этнически с гуннами не были связаны.

Силы гуннов после «битвы народов» 451 г. отнюдь не были исчерпаны. Думается, это была не победа в прежнем духе Аттилы, но и поражением это тоже назвать трудно. Свидетельством тому служит тот факт, что буквально через короткое время Аттила предпринял новый поход теперь уже в сердце Римской империи – Италию. В этом на мой взгляд, и заключался измененный в ходе галльской кампании стратегический замысел великого гуннского полководца.

По возвращении с галльского похода Аттила возобновил требования к Восточно-Римской империи об уплате дани в прежних размерах. Отправив небольшой отряд против Византии, он с основными силами повел наступление на Италию. Гуннские войска захватили такие города, как Аквилея, Френкордия, Альтин, Патавий /ныне Падуя/, Вицетия /ныне Виченца/, Верона, Бриксия /ныне Брешия/, Бергамо, Милан, Падина /ныне Павия/.

После того как вся Северная Италия была взята гуннами, их путь в Рим был недолог. Все более очевидным становилось, что Римская империя не располагала силой, способной остановить натиск грозных завоевателей, и Аттила был близок к мировому господству.

В этом трудном для Западно-Римской империи положении Валентиниан III бездействовал в Равенне, тревожно следя за тем, что произойдет дальше. Что касается Аэция, то он также

был в замешательстве. Армия Рима не могла далее противостоять натиску гуннов, она была парализована их успехами в Северной Италии. В конце концов, решено было использовать вполне апробированный восточными ромейцами прием: делегирование посольства к Атилле. Его возглавил сам папа Лев I, прозванный позднее Великим.

И если Атилла, стоявший у стен Рима, остановился тогда перед папой, то этого нельзя сказать о Гейзерихе, короле вандалов. Тремя годам позже, в 455 году тому же Льву I не удалось удержать его. Вандалы опустошили и разрушили Рим, до нитки обобрали его население; отсюда и понятие «вандализм» - массовое уничтожение культурных и материальных ценностей, зверства и бессмысленная жестокость. После 14-дневного разграбления Рима Гейзерих со своими войсками ушел из города, вывозя оттуда и тысячи пленных ремесленников.

События 451-452 гг. свидетельствует, в целом, о военной мощи Гуннской державы. И то, что её властитель, данниками которой были обе Римские империи, остановился перед капитулирующим городом Римом, внимая просьбам посольства во главе с папой, - говорит о мудрости Атиллы.

Гуннские вторжения объективно еще более расшатали Западно-Римскую империю, приближая ее падение. После смерти Атиллы держава гуннов на Западе распалась при его сыновьях. Гунны оставались севернее Нижнего Дуная, однако большая их часть ушла в Причерноморье и далее на восток Евразии по направлению к Уралу и Аральскому морю, т.е. в исконные пределы огромной Гуннской империи.

1. Biblioteca Apostolica Vaticana (BAV), Vaticani Latini (Vat. lat. 541, f. 67-68 R). См. также: BAV, Vat. lat. 1319, f. 96, Vat. lat. 544, f. 183-184R
2. Priscus Panites. Historia Bysantina, fragmenta, 6- Fragmenta Historicorum Graecorum (FHG), Ed. C. Müllerus. Parisiis, Didot, 1851, vol. IV
3. См. напр., Das Nibelungenlied, Aus dem Mittelhochdeutschen von Karl Simrock. Anakonda Verl., Köln, 2005 (есть в серии изданий)
4. Prosper Tiro. Epitoma de Chronicon, 1364/ - In: Monumenta Germaniae Historica (MGH)/ Auctores Antiquissimi, t. IX, Chronica minora, Vol. I Ed. T. Mommsen, Berolini, 1892, p. 481.
5. Leo Magnus. Epistola 39. - Acta conciliorum oecumenicorum. Ed. E. Schwarz, Berolini-Lipsiae, 1932, t. 2, Vol. 4, p. 41.

6. Leo Magnus. Epistola 41. – Ibid., p. 43.
7. Leo Magnus. Epistola 50. – Ibid., p. 49-50; см. также: epistolae 46, 47, 49.
8. Priscus Panites. Historia Byzantina fragmenta, 15 – FHG. Paris, 1851, Ed. C. Mullerus. Parisiis, Didot, 1851, Vol. IV, p. 98.
9. Johannes Antiochenus. Fragmenta, 199 – FHG, Ed. C. Mullerus, Parisiis, Didot, 1851, Vol. IV, p. 613-614.
10. Priscus Panites. Historia Byzantina, fr. 16 – FHG, p. 99.
11. Jordanes. Getica, 184-185. – Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. Ed. Th. Mommsen. Berolini, Weidmannos, 1882, T. V, p.1.
12. Ibid., 187-190.
13. Современник Азия галло-римский поэт Аполлинарий Сидоний (ок. 430-489 гг.) писал в «Панегирике императору Авиту» в 456 г., что Азий «не раз был обучен скифской (гуннской – К.Ж.) войне». «Scythico quia saepeduello edoctus». (Sidonius Apollinaris. Carmina, VII, Ed. P. Mohr. Leipzig, 1895).
14. Jordanes. Getica, 182.
15. Следует отметить, что еще у древних сянну Центральной Азии, а затем и тюрков основой армии были отряды по 10 000 конников, которые назывались «тьма». Деление войска на тумены перешло и к венграм («томену»). Затем тумен – то воинское подразделение и в монгольской армии и ополчении, составлявшееся населением из завоеванных территорий (состояло из 10000 воинов, возглавляемых темником; делились на «десятки», «сотни» и «тысячи»). Тумены были и в казахских ополчениях периода средних веков и нового времени.
16. Vita St. Genovefae. Ed. C. Künstle. Leipzig, 1910, cap.9.
17. Gregor von Tours. Historia Francorum. Ed. B. Krusch. MGH, Scriptores rerum Merovingicarum. Hannoverae, 1884-1885, T.I, II, 7.
18. Jordanes., 196.
19. Ibid., 197-198.
20. Ibid., 202-206.
21. Ibid., 207-208.
22. Ibid., 212.
23. Ibid., 218.
24. Vita Sancti Lupi episcopi Trecensis, 5. – In: MGH, Scriptorum rerum Merovingicarum. T. III (Passiones vitaeque sanctorum). Ed. B. Krusch, Hannoverae, 1896. P. 121.
25. Jordanes. Getica, 122-123.
26. Orosius Paulus. Historiarum adversum paganos libri VII. Td. C. Zangemeister (CSEL), Wien, 1882, 33.
27. Prosper Tiro. Epitoma de Chronicon, 1364 – MGH, Berolini, 1892, p. 481-482.
28. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. Пер. и прим. А.В. Михайлова. М., Наука. 1977. С. 516-517.